ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Д. К. Васильев[1]
Санкт-Петербургский государственный университет,
Высшая школа менеджмента (Санкт-Петербург, Россия)

УДК: 332.1
doi: — 10.55959/MSU0130-0105-6-61-4-9

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И БЮДЖЕТНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: КТО ПОЛУЧАЕТ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ?[2]

Национальные проекты выступают ключевым инструментом государственных инвестиций в экономику регионов России, однако факторы, определяющие распределение их средств, остаются недостаточно изученными. Цель данной статьи — выявление факторов, влияющих на распределение субсидий (основной формы финансирования нацпроектов) между субъектами Российской Федерации в период 2019–2024 гг. В основе методологии — регрессионный анализ панельных данных за 2012–2023 гг., сформированных на основе информации Росстата и Федерального казначейства. Исследование строится на сочетании системного и институционального подходов, эконометрического моделирования и сравнительного анализа, что позволяет комплексно интерпретировать результаты регрессионного анализа распределения средств нацпроектов по регионам. Исследование проверяет гипотезу о приоритетах федерального центра: направляются ли средства в более развитые регионы для минимизации инвестиционных рисков или в отстающие для снижения межрегиональной дифференциации. Результаты демонстрируют смещение финансирования в пользу более бюджетно устойчивых регионов. Доступ к субсидиям детерминирован не только потребностями развития, но и текущим финансовым положением субъектов. Подобная селективность обусловлена нормами Бюджетного кодекса, принципом софинансирования и стремлением федерального центра предотвратить фискальные риски и «моральный риск». Выявлено противоречие между тактической эффективностью распределения средств (стремление дать деньги тем, кто их гарантированно освоит) и стратегической целью региональной политики — сглаживанием межрегионального неравенства. Таким образом, национальные проекты в текущей конфигурации и институциональной среде, будучи инструментом развития, рискуют превратиться в механизм, закрепляющий и усиливающий сложившуюся дифференциацию регионов. Достижение целей развития требует перехода от логики распределения средств

[1] Васильев Дмитрий Кириллович — ассистент, кафедра государственного и муниципального управления, Высшая школа менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: d.vasilev@gsom.spbu.ru, ORCID: 0000-0002-2991-6819.

[2] Влияние национальных проектов на сближение социально-экономического развития субъектов РФ.

© Васильев Дмитрий Кириллович, 2026 CC BY-NC

к логике достижения результатов и поиска баланса между фискальной дисциплиной и инвестициями в отстающие регионы.

Ключевые слова: региональная экономика, субъекты Российской Федерации, национальные проекты, неравенство регионов.

Цитировать статью: Васильев, Д. К. (2026). Национальные проекты и бюджетная устойчивость: кто получает ресурсы развития? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 61*(4),* 222–244. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-61-4-9.

D. K. Vasiliev
St. Petersburg State University, Graduate School of Management
(Saint-Petersburg, Russia)

JEL: H71, H77, R10

NATIONAL PROJECTS AND FISCAL SUSTAINABILITY: WHO RECEIVES DEVELOPMENT RESOURCES?[3]

National projects are a key instrument for public investment in Russia's regional economies, yet the factors shaping the allocation of their funds remain understudied. This article aims to identify the determinants of subsidy distribution — the primary funding mechanism for national projects — across Russian regions between 2019 and 2024. The methodology employs regression analysis of panel data from 2012 to 2023, drawn from Rosstat and the Federal Treasury. The study integrates systemic and institutional approaches with econometric modelling and comparative analysis to ensure a comprehensive interpretation of the results. The research tests a central hypothesis regarding federal priorities: whether funding is directed to more developed regions to minimize investment risks or to lagging regions to reduce interregional disparities. Findings indicate a shift in funding toward regions with greater budgetary stability. Access to subsidies is shaped not only by development needs but also by the current financial condition of the regions. This selectivity reflects the requirements of the Budget Code, the co-financing principle, and the federal government's aim to mitigate fiscal and moral hazard risks. A key contradiction emerges between the tactical efficiency of funding allocation — prioritizing regions able to reliably implement projects — and the strategic objective of regional policy, which is to reduce interregional inequality. In the current institutional setting, national projects, although designed as a development tool, may reinforce existing regional disparities. To achieve development goals, policy must shift from fund distribution to outcome delivery and balance fiscal discipline with investment in lagging regions.

Keywords: regional economics, subjects of Russian Federation, national projects, regional inequality.

[3] National projects and social-economic convergence of the Russian regions

To cite this document: Vasiliev, D. K. (2026). National projects and fiscal sustainability: who receives development resources? *Lomonosov Economics Journal*, 61*(4),* 222–244. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-61-4-9

Введение

Национальные проекты стали ключевым инструментом развития современной России, формируя важный план мероприятий по преобразованию страны (Иванов, Бухвальд, 2019). По завершении первого этапа реализации нацпроектов было решено продлить эту инициативу, и в 2024 г. на Совете по стратегическому развитию и национальным проектам президент России объявил о необходимости утверждения новых национальных проектов до 2030 г.

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 национальные проекты ориентированы на выполнение девяти национальных задач, включают такие цели, как «обеспечение темпов экономического роста выше мировых...», и «ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации...». Тем не менее, остается неясным, будут ли эти национальные цели достигаться благодаря государственным инвестициям в уже развитые регионы России или, напротив, через подтягивание отстающих регионов к средним показателям по стране.

Кроме этого, следует учесть ранее подписанный Указ Президента РФ от 15 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». В нем одним из основных принципов обозначен «дифференцированный подход к оказанию государственной поддержки регионам и муниципальным образованиям в зависимости от их социально-экономического положения и географических характеристик». Как результат, поднимается вопрос о согласовании политики регионального развития с реализацией национальных проектов.

Несмотря на то, что национальные проекты инициированы на федеральном уровне, их успешная реализация невозможна без активного участия и содействия со стороны субъектов Российской Федерации. Вовлечение предполагает не только согласование с региональными стратегиями социально-экономического развития, но и включение целевых показателей национальных проектов в государственные программы регионов. Помимо этого, регионы обязаны обеспечить формирование необходимого объема финансовых ресурсов для возможности долевого участия в проектах и достижения поставленных целей при поддержке федерального центра (Бухвальд, 2019; Иванов, Бухвальд, 2019). Соответственно, можно предположить, что политика бюджетного финансирования должна разра-

батываться с учетом особенностей пространственного устройства экономики регионов, с целью смягчения экономических различий между ними (Vertakova et al., 2015). Однако в нормативных актах и целях национальных проектов недостаточно ясно сформулирована взаимосвязь данных проектов со снижением межрегионального неравенства. Кроме того, отсутствует четкая концептуализация принципов распределения бюджетных средств национальных проектов в разрезе субъектов. Дискуссионным остается вопрос о детерминантах данного процесса: осуществляется ли аллокация ресурсов в пользу экономически развитых регионов для снижения инвестиционных рисков, либо же приоритет отдается менее развитым территориям в целях сокращения экономического неравенства. Недостаточная проработанность данного аспекта не позволяет подтвердить наличие иной, альтернативной мотивации при планировании бюджетных расходов. Таким образом, целью данного исследования является определение факторов, влияющих на распределение бюджетных средств национальных проектов между субъектами Российской Федерации.

Обзор ранее выполненных исследований

На период с 2019 по 2024 г. национальные проекты охватывали 12 стратегических направлений: здравоохранение, демографию, культуру, науку, образование, жилищную сферу и городскую среду, цифровую экономику, безопасные и качественные автодороги, экологию, производительность труда и поддержку занятости, стимулирование индивидуального предпринимательства, малый и средний бизнес, международное сотрудничество и экспорт. Для реализации данных проектов было предусмотрено 25,7 трлн руб.[4], причем половину суммы предоставил федеральный бюджет (51%), 29% покрывалось за счет внебюджетных источников, 1% — из внебюджетных фондов, а оставшаяся часть (19%) финансировалась из региональных бюджетов. В условиях существования регионов с дефицитными бюджетами вопрос о методике распределения бюджетных средств на национальные проекты приобретает особую актуальность в контексте проблемы регионального неравенства.

Национальные проекты подразделяются на федеральные, которые включают в себя региональные. Последние в свою очередь являются «проекцией» федеральных проектов в каждом субъекте Российской Федерации. Региональные проекты обеспечивают достижение показателей и выполнение мероприятий федеральных проектов. Финансирование нацио-

[4] Правительство РФ. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. На основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf (дата обращения 15.03.2026)

нальных проектов осуществляется путем выделения субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансферт из федерального бюджета в бюджеты субъектов Российской Федерации (Мильчаков, 2019).

По сути, национальные проекты 2019–2024 гг. нельзя считать чем-то абсолютно новым, поскольку аналогичная практика применялась в государственном управлении России в 2005–2009 гг., когда ключевыми направлениями были здравоохранение, жилье, образование и сельское хозяйство. В тот период на реализацию проектов было направлено около 360 млрд руб., что существенно меньше по сравнению с бюджетом нынешних проектов в 25,7 трлн руб. Как отмечали разные эксперты (Иванов, Бухвальд, 2019) и сам Президент Российской Федерации, проекты 2019–2024 гг. отличаются от предыдущих наличием более продвинутых современных методов проектного управления: четко определенных целей, адекватного ресурсного обеспечения, новых инструментов мониторинга и управления проектами.

В середине 2000-х гг. еще не существовало законодательства о стратегическом планировании. Лишь после принятия в 2014 г. Федерального закона № 172-ФЗ о стратегическом планировании были разработаны национальные проекты. Однако, как считает Б. Н. Порфирьев (2018), их правовая регламентация и взаимодействие с государственными программами нуждаются в дополнительных изменениях. По мнению О. Б. Иванова и Е. М. Бухвальда (2019), введение новых национальных проектов само по себе не означает полного перехода к модели проектного управления на всех уровнях власти, и необходимо разработать полноценное законодательство для регулирования всей системы проектного и программно-целевого управления. Вместе с тем, Е. М. Бухвальд (2020) утверждает, что национальные проекты способны оказать значительное социально-экономическое воздействие на развитие страны при условии соблюдения ряда требований, таких как полнота, своевременность и точность распределения ресурсов финансового и бюджетного обеспечения. Автор также подчеркивает важность расширения полномочий регионов при осуществлении национальных проектов, а также необходимость более тесной взаимосвязи этих проектов и механизмов их финансирования с действующей системой стратегического планирования, включая документы стратегического планирования как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Для успешного инвестиционного развития административно-территориальных единиц необходимо оптимальное сочетание управленческих функций и обеспечения экономической безопасности, что способствует повышению эффективности финансовых вложений (Едронова, Маслакова, 2018). Вместе с этим современная экономика российских регионов нуждается в обновлении промышленности, технологий и знаний, что требует значительных инвестиций, в том числе государственных, в ключевые секторы экономики. Однако привлечение инвестиций продолжает оста-

ваться одной из главных проблем, вызванных технологической отсталостью многих регионов, недостаточной развитостью наукоемких и инновационных отраслей, а также износом производственных мощностей промышленных предприятий (Гулин и др., 2017; Кузнецова, 2020). В данном контексте распределение бюджета субъектам Российской Федерации на реализацию национальных, в частности, региональных проектов представляет собой перспективную возможность для улучшения и выравнивания социально-экономического положения.

Современный авторы также исследовали (Васильев, Лимонов, 2024) влияние инфраструктурной финансиализации и частных инвестиций на сокращение разрывов в уровне социально-экономического развития между субъектами Российской Федерации. Полученные результаты указывают на необходимость развития и положительное влияние инфраструктурной финансиализации на сближение регионов по уровню социально-экономического развития. Текущее исследование стремится рассмотреть вопрос с иной стороны и отличается от работы авторов смещением фокуса с частных инвестиций на государственное бюджетирование в рамках реализации национальных проектов.

В упомянутом исследовании (Васильев, Лимонов, 2024) подчеркивается сложность принятия решений касательно государственных инвестиций: если главным критерием выступает экономическая эффективность инвестиций, и предпочтение отдается более развитым регионам, то различия между ними имеют тенденцию увеличиваться. В то же время, когда главной задачей становится уменьшение неравномерности регионального развития посредством инвестиций в отстающие регионы, то существует значительный риск снижения эффективности инвестиций. В результате государству становится чрезвычайно сложно решать задачу выравнивания социально-экономического развития регионов. Аналогичные трудности возникают перед государством и при реализации национальных проектов.

В России наблюдается проблема региональной дифференциации в области инвестиционной активности, которая обусловлена как объективными, так и субъективными факторами (Мохнаткина, 2022). К таким факторам можно отнести исторические особенности развития отдельных регионов, различия в доступных природных ресурсах и уровне человеческого капитала, общую стагнацию экономики, отсутствие продуманной региональной стратегии, политическую нестабильность, особенности отраслевой структуры и направленности промышленности, слабые межрегиональные экономические связи, а также недостатки в нормативно-правовом регулировании.

Государство нацелено на эффективное и рациональное распределение бюджетных средств, выделяемых на инвестиционные проекты в субъектах Российской Федерации. В такой ситуации регионы с менее благоприятным инвестиционным климатом и социально-экономическими услови-

ями оказываются в невыгодном положении (Губанов и др., 2018). Несомненно, что регион с наилучшим инвестиционным климатом, финансовой устойчивостью и надежными условиями для ведения коммерческой и предпринимательской деятельности сталкивается с меньшими финансовыми рисками при реализации инвестиционных проектов. Более социально-экономически развитый регион, как справедливо замечают некоторые исследователи (Едронова, Маслакова, 2018), обладает большими возможностями для привлечения финансовых ресурсов. Однако подобный подход, при котором приоритет отдается экономически развитым и финансово устойчивым регионам, имплицитно содержит в себе риск усиления межрегиональной дифференциации и углубления социально-экономического неравенства. В данном контексте перед органами государственной власти в рамках реализации национальных проектов возникает концептуальная дилемма: с одной стороны, необходимость обеспечения эффективности бюджетных вложений (минимизация рисков), с другой — потребность в сбалансированном пространственном развитии и выравнивании диспропорций. Данное противоречие актуализирует научную и практическую значимость исследования механизмов бюджетного распределения. Существенное значение при этом приобретает анализ не только формально закрепленных методик и положений нормативно-правовых актов, регламентирующих реализацию национальных проектов, но и реально складывающейся практики распределения средств. Как результат, данное исследование сфокусировано на выявлении и системном анализе факторов, де-факто определяющих объемы и направления финансирования национальных проектов в разрезе субъектов Российской Федерации.

Материалы и методика исследования

В исследовании выдвигается гипотеза о том, что субсидии, ключевой инструмент финансирования государственных инвестиционных программ и проектов, направлены в наиболее отстающие по ВРП на душу населения субъекты. Таким образом, гипотеза предполагает, что Правительство РФ стремится выполнить заявленные цели, а именно выровнять социально-экономическое положение регионов. Альтернативной гипотезой является отсутствие подобной связи, которую можно трактовать как приоритизацию со стороны Правительства иных стратегических целей.

В данной работе используется количественная методология, вторичные количественные данные. Типом методологии является количественное экспериментальное исследование. Для проверки предположения и факторов определяющих размер средств, выделяемых в рамках субсидий, в частности государственных программ и проектов, была построена регрессионная модель. Основной зависимой переменной является отноше-

ние объема субсидий к доходу консолидированного бюджета субъекта РФ (“SubsRev”). В основу работы, в частности для определения объясняющих переменных, легла методология подходящих, схожих работ (Kappeler et al., 2013; Asatryan, Feld, 2015; Kis-Katos, Sjahrir, 2017; Гулин и др., 2017; Шамардина и др., 2017; Chegryn et al., 2018; Lv et al., 2020; Михайлова, Тимушев, 2020). Использовались данные Федерального казначейства России (консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов, ежегодные, 2012–2023 гг.[5]) и Федеральной службы государственной статистики (Росстат, сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2025»[6]).

Таким образом, главными объясняющими переменными являются:

- валовый региональный продукт на душу населения (“*GRPc*”): для понимания отдается ли предпочтение распределения субсидий в более богатые или бедные регионы по ВВП на душу населения. Источник данных: Росстат, сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2025»;
- мера закредитованности субъекта РФ (“*DebtRev*”), которая рассчитывается как соотношение объема средств в бюджете субъекта РФ на обслуживание долга к доходу консолидированного бюджета субъекта РФ. Переменная необходима для понимания отдается ли предпочтение более закредитованным субъектам с целью помочь им справиться с долговой нагрузкой. Источник данных: Федеральное казначейство России, Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов, ежегодные, 2012–2023 гг.;
- мера дотационности субъекта (“*DotRev*”), которая рассчитывается как соотношение дотаций, выделяемых субъекту РФ к доходу консолидированного бюджета субъекта РФ. Переменная позволит проверить выделяются ли субсидии преимущественно дотационным регионам для улучшения социально-экономической ситуации. Источник данных: Федеральное казначейство России;
- отношение отгруженных товаров собственного производства по добыче полезных ископаемых и обрабатывающим производствам к валовому региональному продукту (“*RESc_GRPc*”). Для понимания отдается ли предпочтение ресурсодобывающим регионам как следствие сырьевой направленности российской экономики. Источник данных: Росстат.

[5] URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov-rossijskoj-federacii?filter_type=49

[6] URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Важно отдельно остановиться на показателе «*BudgStab*», который представляет собой отношение инвестиций в основной капитал к доходу бюджета субъекта РФ. Показатель был выбран в качестве меры бюджетной устойчивости. В сфере управления региональными финансами России до сих пор отсутствует единая методология оценки бюджетной устойчивости, которая позволяла бы комплексно оценивать долгосрочную платежеспособность субнациональных бюджетов. Несмотря на наличие отдельных методических разработок и новаторских концепций (Михайлова, Тимушев, 2020), система оценки данной способности все еще находится на стадии становления и институционализации. Бюджетная устойчивость характеризуется способностью публично-правовых структур выполнять текущие задачи, не рискуя при этом поставить под угрозу выполнение долгосрочных стратегических планов. Значительные капитальные затраты могут свидетельствовать о высоком уровне бюджетной устойчивости.

В результате, формула для вычисления данного показателя имела следующий вид:

Расчет меры бюджетной устойчивости

$$BudgStab = \frac{\text{Инвестиции в основной капитал}_{i,t}}{\left(\text{Доходы}_{i,t} - \text{Безвозмездные поступления от других бюджетов РФ}_{i,t}\right)}, \quad (1)$$

где в числителе объем инвестиций в основной капитал в регионе *i* в году *t*, а в знаменателе доходы субъекта *i* в году *t* за вычетом безвозмездных поступлений от других бюджетов РФ, включая дотации, субвенции, субсидии и прочие безвозмездные трансферты.

Факторы, влияющие на выделяемый объем субсидий субъектам РФ (средств на долевое финансирование государственных программ и проектов), оцениваются следующим образом.

Регрессионная модель исследования

$$SubsRev = \alpha + \beta_1 \cdot GRPc + \beta_2 \cdot DebtRev + \beta_3 \cdot DotRev + \\ + \beta_4 \cdot RESc_{GRPc} + \beta_5 \cdot lnBudgetStab + \varepsilon. \quad (2)$$

Переменная отражающая бюджетную устойчивость ("*BudgetStab*") была логарифмизирована. Использовались панельные данные по 83[7] регионам

[7] Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Тверская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тульская область, Ярославская область, г. Москва, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, г. Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Республика Адыгея (Адыгея), Республика Дагестан, Кабардино-Бал-

России без учета нововошедших субъектов РФ, г. Байконур, г. Севастополь и Республики Крым, за период 2012–2023 гг. (N=996), в реальных ценах 2012 г.

Анализ и результаты

Описательная статистика данных представлена в табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика данных

Переменные	Набл.	Среднее	Ст. откл.	Мин	Макс
SubsRev	996	0,086	0,063	0,001	0,316
lnGRPc	996	12,648	0,707	11,08	15,300
DebtRev	996	0,013	0,013	0,000	0,060
DotRev	996	0,129	0,129	0,000	0,560
RESc GRPc	996	0,670	0,304	0,045	1,427
lnBudgStab	996	1,123	0,410	0,014	3,563

Источник: составлено автором на основе данных Федерального казначейства России и Росстата.

Первоначально был проведен корреляционный анализ для выявления потенциальной мультиколлинеарности. Среди объясняющих переменных отсутствует высокий уровень корреляционной связи (>0,7), что указывает на отсутствие очевидной мультиколлинеарности (табл. 2).

карская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан (Татарстан), Удмуртская Республика, Чувашская Республика-Чувашия, Нижегородская область, Кировская область, Самарская область, Оренбургская область, Пензенская область, Пермский край, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Забайкальский край.

Таблица 2

Корреляционная матрица переменных

Переменные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
(1) SubsRev	1,000					
(2) lnGRPc	-0,468	1,000				
	(0,000)					
(3) DebtRev	-0,187	-0,137	1,000			
	(0,000)	(0,000)				
(4) DotRev	0,433	-0,437	-0,075	1,000		
	(0,000)	(0,000)	(0,017)			
(5) RESc_GRPc	-0,369	0,445	0,070	-0,591	1,000	
	(0,000)	(0,000)	(0,028)	(0,000)		
(6) lnBudgStab	0,156	0,198	0,064	0,198	-0,033	1,000
	(0,000)	(0,000)	(0,043)	(0,000)	(0,301)	

Источник: составлено автором на основе данных Федерального казначейства России и Росстата.

Данное исследование нацелено произвести комплексную оценку факторов влияния на бюджетное распределение, поэтому для обработки экстремальных значений в данных был применен метод винзоризации. Данный подход обеспечивает полное сохранение данных, одновременно минимизируя непропорциональное влияние выбросов на итоговые результаты.

После подготовки данных переменные были протестированы на стационарность, использовался тест на единичные корни Им-Песарана-Шина (IPS, Im-Pesaran-Shin test), результаты представлены в табл. 3. Проверку на стационарность прошли переменные отношения дотаций к доходу субъекта (“*DotRev*”), показатель бюджетной устойчивости (“*lnBudgStab*”). Классическим методом устранения проблемы отсутствия стационарности является использование первых разностей (“first differences”). На уровне первой разницы все переменные оказались стационарными, согласно классической методологии (Dickey, Fuller, 1979) в данном случае нестационарные переменные необходимо включать с первой разницей, а стационарные как есть.

Таблица 3

Проверка переменных регрессии на стационарность, тест IPS

Переменная	p-значение IPS	p-значение IPS (разница 1-ого порядка)	Метод включения переменной в регрессию
SubsRev	0,128 – нестационарность	0,000 – стационарность	Включение первой разницы
lnGRPc	1,000 – нестационарность	0,000 – стационарность	Включение первой разницы
DebtRev	0,756 – нестационарность	0,000 – стационарность	Включение первой разницы
DotRev	0,000 – стационарность	0,000 – стационарность	Включение как есть
RESc_GRPc	0,085 – нестационарность	0,000 – стационарность	Включение первой разницы
lnBudgStab	0,000 – стационарность	0,000 – стационарность	Включение как есть

Сначала была построена регрессионная модель с целью последующей проверки остатков на кросс-секционную зависимость, автокорреляцию. Использовалась регрессия с фиксированными эффектами для включения фиксированных эффектов регионов, также использовался контроль временных рядов (спецификация "*i.Year*"). Результаты модели представлены в табл. 4.

Таблица 4

Линейная регрессионная модель с фиксированными эффектами

D.SubsRev	Коэф.	Ст.Ош.	t-знач.	p-знач.	[95% Дов.	Интервал]	Знач.
D.lnGRPc	-0,016	0,018	-0,85	0,398	-0,052	0,021	
D.DebtRev	0,302	0,161	1,88	0,061	-0,014	0,617	*
DotRev	0,046	0,024	1,95	0,052	0	0,092	*
D.RESc_GRPc	-0,010	0,020	-0,50	0,614	-0,050	0,030	
lnBudgStab	0,035	0,005	6,52	0	0,025	0,046	***
2013b	0						
2014	-0,020	0,006	-3,51	0	-0,031	-0,009	***
2015	0,003	0,006	0,45	0,650	-0,009	0,014	
2016	0,001	0,006	0,17	0,865	-0,011	0,013	
2017	0,014	0,006	2,34	0,020	0,002	0,025	**
2018	0,005	0,006	0,77	0,44	-0,007	0,016	
2019	0,028	0,006	4,91	0	0,017	0,040	***
2020	0,049	0,006	8,38	0	0,037	0,060	***

Окончание табл. 4

D.SubsRev	Коэф.	Ст.Ош.	t-знач.	p-знач.	[95% Дов.	Интервал]	Знач.
2021	0,020	0,006	3,25	0,001	0,008	0,032	***
2022	0,037	0,006	6,39	0	0,025	0,048	***
2023	0,008	0,006	1,32	0,187	-0,004	0,019	
Constant	-0,056	0,007	-8,33	0	-0,069	-0,043	***

Ср. значение зав. перем.	0,002	Ст. откл. зав. перем.	0,041
R-квадрат	0,283	Число набл.	913
F-статистика	21,452	Значим. F-критерия	0,000
AIC	-3528,552	BIC	-3451,484

Примечание: *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Источник: составлено автором на основе данных Федерального казначейства России и Росстата.

Далее были проведены тесты остатков регрессии (табл. 5). Была выявлена гетероскедастичность. Классическим методом работы с гетероскедастичностью является использование робастных ошибок или построение регрессии со стандартными ошибками Дрисколла — Края. Было принято решение использовать последний вариант, так как данный метод учитывает автокорреляцию (лучше перестраховаться с p-значением теста Вальда в 0,0610), гетероскедастичность и кросс-секционную зависимость, а также работает с переменными использующих первую разницу.

Таблица 5

Результаты тестов остатков проведенной регрессии

Тест	p-значение	Интерпретация
Тест Песарана (кросс-секционная зависимость)	0,7422	Нет доказательств кросс-секционной зависимости. Ошибки модели не коррелируют между регионами.
Тест Вальда (автокорреляция)	0,0610	Автокорреляция отсутствует.
Тест Модифицированного Вальда (гетероскедастичность)	0,0000	Присутствует гетероскедастичность, дисперсия ошибок непостоянна

Для проверки результатов на устойчивость были построены модели с альтернативной спецификацией, чтобы доказать, что результаты не зависят от произвольных допущений модели (табл. 7). Использовались модели со стандартными ошибками Дрисколл — Края без фиксированных эффектов во времени, с робастными ошибками, ошибки с кластеризацией по регионам, обычная модель с фиксированными эффектами, без первых разностей для нестационарных переменных, также были исключены потенциально экзогенные переменные (долговая нагрузка на субъект и отношение дотаций к доходу субъекта). Значимая константа указывает на си-

стематический тренд в данных, не объясненный моделью. Для оценки динамической модели использовался метод Ареллано — Бонда (1991) GMM ("generalized method of moments"). Инструменты включали лаги зависимой и эндогенных переменных, начиная с *t-2*, что соответствует стандартным рекомендациям (Blundell, Bond, 1998; Roodman, 2009). В процессе число инструментов было сокращено во избежание переопределения модели (Roodman, 2009). Корректность подобранных инструментов подтверждена тестами Хансена, Саргана и отсутствием автокорреляции *AR(2)*, результаты теста представлены втабл. 6, как и обоснование определения эндогенных и экзогенных переменных (табл. 8).

Таблица 6

Тесты на проверку валидности инструментов и автокорреляцию

Тест	Результат теста	Интерпретация
Тесты на автокорреляцию	AR(1) = 0,002 AR(2) = 0,286	Значимая отрицательная автокорреляция 1-го порядка ожидаема в моделях с первыми разностями. Это подтверждает корректность преобразования. Отсутствие значимой автокорреляции 2-го порядка говорит о том, что инструменты подобраны правильно и нет пропущенных динамических эффектов
Тест Саргана	p = 0,524	Инструменты валидны
Тест Хансена	p = 0,661	Аналогично Саргану, но устойчив к гетероскедастичности. Подтверждает, что инструменты экзогенны

Во всех спецификациях статистически значимой переменной на уровне 99% является бюджетная устойчивость регионов ("*lnBudgStab*"). При этом во всех нединамических моделях наблюдается низкий уровень чувствительности коэффициентов к изменению модели, их можно считать стабильными. Как итог, результаты можно считать устойчивыми среди нединамических моделей. Однако важно учитывать, что коэффициенты в динамической модели отличаются от других. Базовые оценки с корректировкой Дрисколл — Края показали эффект в ~0,035 ($p < 0,01$), однако динамическая GMM-модель, учитывающая эндогенность, выявила более сильное влияние (0,125, $p < 0,01$). Такое расхождение может указывать на наличие смещения в статической спецификации из-за неучтенной динамики или обратной причинности. Поскольку тесты Хансена, Саргана и *AR(2)* не выявили проблем с инструментами ($p > 0,1$, см. табл. 6), автор исследования склонен считать GMM-оценку более надежной и рассматривать ее как основную.

Регрессионная модель статистически значима. Модель показывают, что статистически значимой переменной (на уровне 95%) являются лаг зависимой ("*L.d.SubsRev*"), уровень дотационности региона ("*DotRev*"), бюджетная устойчивость региона ("*lnBudgStab*"), а также временные дамми за 2019–2020 и 2022 гг.

Таблица 7

Различные спецификации регрессионной модели

Переменная	Стандартные ошибки Дросколл — Края	Стандартные ошибки Дросколл — Края, фиксированные эффекты во времени	Робастные ошибки	Ошибки с кластеризацией по регионам	Обычные фиксированные эффекты	Стандартные ошибки Дросколл — Края, фиксированные эффекты во времени, без первых разностей для нестационарных переменных	Стандартные ошибки Дросколл — Края, фиксированные эффекты во времени, исключение потенциальных эндогенных переменных	Динамическая модель (GMM, Arellano-Bond)
d.SubsRev	Зависимая	Зависимая	Зависимая	Зависимая	Зависимая	Зависимая	Зависимая	Зависимая
L1.d.SubsRev	-	-	-	-	-	-	-	**-0,426****
d.lnGRPc	-0,036	-0,016	-0,036*	-0,036*	-0,036**	-0,039*	-0,157	0,116
d.DebtRev	-0,094	0,302	-0,094	-0,094	-0,094	-0,058***	Исключена	0,663
DotRev	0,037	**0,046****	0,037	0,037	0,037	-0,047	Исключена	**-0,529****
d.RESc_GRPc	-0,005	-0,010	-0,005	-0,005	-0,005	0,010	-0,011	0,002
lnBudgStab	0,035***	0,035***	0,035***	0,035***	0,035***	0,056***	0,044***	0,125**
2013	-	-	-	-	-	-0,001	-	-
2014	-	**-0,020*****	-	-	-	-0,023***	-0,019***	-0,000
2015	-	0,003	-	-	-	-0,028***	0,002	-
2016	-	0,001	-	-	-	-0,030***	0,000	0,0112
2017	-	**0,014*****	-	-	-	-0,029***	0,012***	0,029
2018	-	0,005	-	-	-	-0,038***	0,004	0,035
2019	-	**0,028*****	-	-	-	-0,023***	0,027***	**0,047*****
2020	-	**0,049*****	-	-	-	0,011**	0,048***	**0,089*****
2021	-	**0,020*****	-	-	-	0,022***	0,019***	0,036
2022	-	**0,037*****	-	-	-	0,041***	0,034***	**0,044****
2023	-	**0,008****	-	-	-	0,036***	0,005***	0,016
Constant	-0,041***	-0,056***	-0,041***	-0,041***	-0,041***	0,525**	-0,059***	-

Источник: составлено автором на основе данных Федерального казначейства России и Росстата; *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Таблица 8

Обоснования распределения переменных на эндогенные и экзогенные в динамической модели

Переменная	Тип переменной	Теоретическое обоснование
L.d.SubsRev (лаг зависимой)	Эндогенная	Лаг субсидий может коррелировать с текущей ошибкой из-за инерции бюджетной политики
d.lnGRPc (первая разница ВРП на душу населения)	Эндогенная	Обратная причинность: рост ВРП увеличивает субсидии, но и субсидии могут стимулировать ВРП
d.DebtRev (первая разница отношения долга к доходу)	Эндогенная	Регионы с высоким долгом могут получать больше субсидий, но долг также зависит от прошлых субсидий
DotRev (отношение дотаций к доходу)	Эндогенная	Дотации вероятно политически мотивированы (эндогенность из-за лоббирования)
lnBudgStab (индекс бюджетной стабильности)	Экзогенная	Внешний параметр, рассчитывается независимо от субсидий
i.Year (фиксированные эффекты во времени)	Экзогенная	Временные дамми-переменные отражают общенациональные шоки (например, кризисы), не зависящие от регионов

Дискуссия

Полученные результаты эмпирического анализа свидетельствуют о наличии устойчивой связи между финансовой устойчивостью региона и объемом привлекаемых им субсидий, средств национальных проектов. Выявленная закономерность отражает глубинную логику федеральной бюджетной политики, которая в своей текущей конфигурации тяготеет скорее к принципу эффективности использования средств (эффективности распределения), нежели чем к принципу выравнивания.

Анализ продемонстрировал, что рост субсидий в предыдущем году снижает их объем в текущем году (лаг зависимой), с одной стороны это может означать, что если регион получил повышенные субсидии в прошлом году, в текущем году федеральный центр может сократить поддержку, чтобы избежать «иждивенчества», однако субсидии по сути своей имеют целевую направленность на реализацию проектов, поэтому автор склонен трактовать данный результат как особенность финансирования проектов, которая прекращается в случае если проект завершен, что может объяснять полученные результаты.

Выдвигалось предположение, что основная политика государства по управлению межбюджетными трансфертами заключается в том, чтобы

сделать наиболее отстающие по ВРП на душу населения субъекты более автономными и независимыми. Результаты анализа приводят к другим выводам: прямой взаимосвязи с ВРП на душу населения не было обнаружено, при этом стоит обратить внимание на то, что более дотационные регионы получают меньше субсидий, что свидетельствует об отсутствии нацеленности субсидий выполнять выравнивающую или политическую, как в случае с дотациями (Yushkov et al., 2017), функцию. Данный результат подтверждает, что несмотря на заявленные цели в госпрограммах о снижении регионального неравенства, они не нацелены помогать более дотационным регионам. Приоритетом можно считать выполнение стратегических, национальных целей, заявленных на федеральном уровне.

Выполнение критически важных для страны целей требует надежности исполнения, именно так автор понимает стремление распределения субсидий в более устойчивые и самостоятельные регионы ("*lnBudgStab*"). Это также означает, что федеральные цели главенствует над стремлением развивать дотационные регионы за счет госпрограмм и нацпроектов. В данном случае обладателями выгод и коллатерального эффекта развития от субсидий являются те регионы, которые способны реализовывать проекты на благо федерального центра и всей страны.

Полученные в ходе анализа результаты демонстрируют устойчивую положительную связь между показателями бюджетной устойчивости региона и объемом привлеченных им средств национальных проектов. Иными словами, финансовая дисциплина и низкий уровень долга выступают значимыми предикторами доступа к федеральным ресурсам развития.

Во-первых, в основе механизма распределения лежат жесткие институциональные ограничения, закрепленные в Бюджетном кодексе РФ. Статьи 130 и 136 фактически кодифицируют статус региона с высоким уровнем долга и дефицита как зоны повышенного риска. Федеральный центр, выступая в роли принципала, вынужден минимизировать агентские издержки: передача значительных объемов средств в управление региону, продемонстрировавшему неспособность к сбалансированной политике, создает неприемлемые риски недостижения национальных целей. Ограничение доступа к новым субсидиям становится, таким образом, не столько санкцией, сколько превентивной мерой финансового контроля.

Во-вторых, в действие вступает эффект «фискальной черной дыры». С точки зрения теории общественных финансов, предельная полезность дополнительного бюджетного рубля в регионе с высоким уровнем долга значительно ниже, чем в финансово устойчивом. В условиях острого дефицита ликвидности целевые средства национальных проектов могут быть использованы не на создание новой инфраструктуры, а на латание текущих бюджетных дыр или обслуживание коммерческих кредитов. Опасения федерального центра относительно нецелевого исполь-

зования и низкой результативности таких вложений приводят к тому, что при прочих равных условиях приоритет отдается регионам, способным гарантировать «прозрачность» прохождения средств и их мультипликативный эффект.

В-третьих, ключевым техническим барьером выступает принцип софинансирования. Национальные проекты реализуются через механизм субсидий, требующий встречных обязательств со стороны региона. Для высокозакредитованных и глубоко дотационных субъектов даже минимальный (5–10%) уровень софинансирования становится непосильным бременем. Отсутствие свободных остатков средств на счетах делает их фактически неконкурентоспособными в борьбе за федеральные ресурсы. В данном случае принцип софинансирования работает как «естественный фильтр», отсеивая регионы с низкой бюджетной маневренностью, даже если федеральный центр готов взять на себя львиную долю расходов.

Четвертым аргументом является так называемое предотвращение «морального риска». Иными словами, поддержка регионов-должников создает негативный прецедент: это спровоцировало бы стратегию «набегающего дефицита», когда регионы перестали бы нести ответственность за собственную бюджетную устойчивость, рассчитывая на помощь центра. Жесткая привязка к показателям финансовой дисциплины, таким образом, является необходимым инструментом поддержания стимулов к эффективному управлению на всей территории страны.

Можно также заметить, что на распределение субсидий влияли и временные эффекты. К примеру, значимость 2019г. воспринимается как пик реализации нацпроектов 2018–2024 гг., после майских указов 2018 г. Значимость 2020 г. объясняется антикризисными мерам во время пандемии COVID-19., а 2022 г. объясняется поддержка критически важных регионов после введенных санкций со стороны запада.

В общем смысле картина выглядит следующим образом: субсидии являются инструментом сдерживания, отрицательный лаг (-0,426) показывает, что центр жестко контролирует ежегодные объемы. При этом видно по взаимосвязи с дотациями, что федеральный центр отдает предпочтение целевому финансированию, что дополнительно подтверждается и их использованием в период временных шоков (COVID-19, введение санкций). В дополнение, возможен эффект замещения между субсидиями и дотациями. Можно выдвинуть гипотезу для дальнейшего исследования о том, что государство предпочитает развивать отстающие регионы посредством дотаций, то есть предоставляет относительно свободно распоряжаться выделенными средствами, при этом в более самостоятельные регионы направляется целевое финансирование, субсидии. Альтернативной гипотезой является значимость политических факторов в распределении дотаций, и отсутствием стремления развивать в целевом порядке регионы, имеющие политические риски для федерального центра.

Заключение

Проведенный анализ факторов распределения средств национальных проектов между субъектами Российской Федерации позволяет сделать ряд выводов как теоретического, так и прикладного характера. Эмпирическое исследование продемонстрировало, что доступ регионов к ресурсам развития (субсидии в рамках нацпроектов) детерминирован не только объективными потребностями в развитии инфраструктуры, но и их текущим финансовым положением.

Стремление распределять больше субсидий в более бюджетно устойчивые регионы может быть объяснено различными факторами. Во-первых, Бюджетный кодекс РФ (ст. 130, 136) устанавливает: регионы с высоким долгом и дефицитом бюджета признаются «неэффективно управляемыми». Федеральный центр может ограничивать их доступ к новым субсидиям как санкцию за неконтролируемый рост обязательств. Во-вторых, «проблемные» регионы представляют риски для бюджетной системы. Финансово неустойчивые регионы рассматриваются как фискальные «черные дыры»: дополнительные субсидии могут не решить проблему, а уйти, например, на обслуживание старых долгов. Третьим аргументом являются установленные бюджетные правила. Субсидии реализуются по принципу софинансирования из регионального бюджета, с точки зрения принципа функционирования, закредитованные и дотационные регионы не могут себе этого позволить. Четвертым аргументом является так называемое предотвращение «морального риска». Иными словами, поддержка регионов-должников создает негативный прецедент: другие субъекты могут наращивать долги, ожидая помощи.

Ключевым выводом исследования является выявленное противоречие между тактической эффективностью распределения средств (стремление дать деньги тем, кто их гарантированно освоит) и стратегической целью региональной политики — сглаживанием межрегионального неравенства. Национальные проекты, будучи инструментом развития, рискуют превратиться в механизм, закрепляющий и усиливающий сложившуюся дифференциацию регионов. В заключение отметим, что достижение национальных целей развития требует перехода от логики «распределения средств» к логике «достижения результатов», что в свою очередь, означает необходимость поиска баланса между фискальной дисциплиной и инвестициями в отстающие регионы.

Список литературы

Бухвальд, Е. М. (2019). Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации. *Теория и практика общественного развития, 2* (132), 50–54. https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.8

Бухвальд, Е. М. (2020). Финансово-бюджетные аспекты реализации национальных проектов в Российской Федерации. *Теория и практика общественного развития, 3* (145), 41–44.

Васильев, Д. К., & Лимонов, Л. Э. (2024). Неравномерное развитие регионов России в контексте инфраструктурной финансиализации. *Регион: экономика и социология, 4* (124), 65–89. https://doi.org/10.15372/REG20240403.

Губанов, Р. С., Маева, И. В., & Рыкова, И. Н. (2018). Направления совершенствования инструментария инвестиционной бюджетной политики государства в области территориального инфраструктурного развития. *Вестник НГИЭИ, 8* (87), 91–102.

Гулин, К.А, Мазилов, Е. А., Кузьмин, И. В., Алферьев, Д. А., & Ермолов, А. П. (2017). Научно-технологический потенциал территорий и его сравнительная оценка. *Проблемы развития территории, 1* (87), 7–26.

Едронова, В. Н., & Маслакова, Д. О. (2018). Финансовые составляющие инвестиционного процесса в регионах: сущность и оценка. *Финансы и кредит, 24* (4), 860–876. https://doi.org/10.24891/fc.24.4.860

Иванов, О. Б., & Бухвальд, Е. М. (2019). Национальные проекты России: региональное измерение. *Актуальные вопросы экономики*. *1*, 37–53. https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10067

Кузнецова, Е. П. (2020). Анализ инвестиционной деятельности в регионе. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 3* (33), 103–111.

Мильчаков, М. В. (2019). Особенности финансовой поддержки регионов при реализации национальных проектов. *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал, 3,* 22–37. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-3-22-37

Михайлова, А. А., & Тимушев, Е. Н. (2020). Бюджетная система России: насколько устойчива? *Экономический журнал ВШЭ*, *24* (4), 572–597. https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-572-597

Мохнаткина, Л. Б. (2022). Оценка регионального неравенства по показателям программно-целевого финансирования государственных расходов. *Азимут научных исследований: экономика и управление, 11, 3* (40), 34–38. e-ISSN: 2712-8482 https://doi.org/10.57145/27128482_2022_11_03_07

Порфирьев, Б. Н. (2018). Императивы законодательного обеспечения реализации майского 2018 года Указа Президента Российской Федерации: пространственный аспект. *ЭКО, 9* (531), 177–191. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-9-177-191

Правительство Российской Федерации. (2018). Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. Получено 15 марта 2026 г. с сайта http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf

Шамардина, О. В., Кочева, Е. В. & Матев, Н. А. (2017). Анализ инвестиционной деятельности Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 13, 4*, 699–710. https://doi.org/10.24891/ni.13.4.699

Arellano, M., & Bond, S. (1991). Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations. *The Review of Economic Studies*, *58* (2), 277–297. https://doi.org/10.2307/2297968

Asatryan, Z., & Feld, L. P. (2013). Revisiting the link between growth and federalism: A Bayesian model averaging approach (CESifo Working Paper No. 4357). *CESifo*. https://www.cesifo.org/en/publications/2013/working-paper/revisiting-link-between-growth-and-federalism-bayesian-model

Blundell, R., & Bond, S. (1998). Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics*, *87* (1), 115–143. https://doi.org/10.1016/S0304-4076(98)00009-8

Chygryn, O., Petrushenko, Y., Vysochyna, A., & Vorontsova, A. (2018). The green competitiveness of enterprises: Justifying the quality criteria of marketing communication mix. *Montenegrin Journal of Economics*, *14* (4), 69–84. https://doi.org/10.14254/1800-5845/2018.14-4.5

Dickey, D. A., & Fuller, W. A. (1979). Distribution of the estimators for autoregressive time series with a unit root. *Journal of the American Statistical Association*, *74* (366), 427–431. https://doi.org/10.2307/2286348

Kappeler, A., Solé-Ollé, A., Stephan, A., & Välilä, T. (2013). Does fiscal decentralization foster regional investment in productive infrastructure? *European Journal of Political Economy*, *31*, 15–25. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2013.01.005

Kis-Katos, K., & Sjahrir, B. S. (2017). The impact of fiscal and political decentralization on local public investment in Indonesia. *Journal of Comparative Economics*, *45* (2), 344–365. https://doi.org/10.1016/j.jce.2015.12.006

Kulik, K., & Vlasenko, M. (2024). Experience in implementing major national projects to combat degradation and desertification in Russia. *Case Studies in Chemical and Environmental Engineering, 9*, 100583, https://doi.org/10.1016/j.cscee.2023.100583

Lv, B., Liu, Y., & Li, Y. (2020). Fiscal incentives, competition, and investment in China. *China Economic Review*, *59*.

Roodman, D. (2009). How to do Xtabond2: An introduction to difference and system GMM in Stata. *The Stata Journal*, *9* (1), 86–136. https://doi.org/10.1177/1536867X0900900106

Vertakova, Y., Polozhentseva, Y., Trusova, N., & Zhurova, G. (2015). Cluster policy in Russian investment sphere. *Procedia Economics and Finance, 23*, 321–328. https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00559-6

Yushkov, A., Savulkin, L., & Oding, Y. (2017). Intergovernmental relations in Russia: Still a pendulum? *Public Administrations Issues, Special Issue*, 38–59. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2017-0-5-38-59

References

Arellano, M., & Bond, S. (1991). Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations. *The Review of Economic Studies*, *58* (2), 277–297. https://doi.org/10.2307/2297968

Asatryan, Z., & Feld, L. P. (2013). Revisiting the link between growth and federalism: A Bayesian model averaging approach (CESifo Working Paper No. 4357). *CESifo*. https://www.cesifo.org/en/publications/2013/working-paper/revisiting-link-between-growth-and-federalism-bayesian-model

Blundell, R., & Bond, S. (1998). Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics*, *87* (1), 115–143. https://doi.org/10.1016/S0304-4076(98)00009-8

Bukhvald, E. M. (2019). National projects in the system of strategic planning in the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development, 132* (2), 50–54. https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.8

Bukhvald, E. M. (2020). Financial and budgetary aspects of the implementation of national projects in the Russian federation. *Theory and practice of social development, 3* (145), 41–44.

Chygryn, O., Petrushenko, Y., Vysochyna, A., & Vorontsova, A. (2018). The green competitiveness of enterprises: Justifying the quality criteria of marketing communication mix. *Montenegrin Journal of Economics*, *14* (4), 69–84. https://doi.org/10.14254/1800-5845/2018.14-4.5

Dickey, D. A., & Fuller, W. A. (1979). Distribution of the estimators for autoregressive time series with a unit root. *Journal of the American Statistical Association*, *74* (366), 427–431. https://doi.org/10.2307/2286348

Edronova V. N. & Maslakova D. O. (2018). Financial Components of the Investment Process in the Regions: Essence and Evaluation. *Finance and Credit, 24*, 4, 860–876. https://doi.org/10.24891/fc.24.4.860

Gubanov R. S., Maeva I. V., & Rykova I. N. (2018). Directions of perfection of instruments investment budget of the state policy in the field of territorial infrastructure development. *Bulletin NGIEI, 8* (87), 91–102.

Ivanov, O. B., & Bukhvald, E. M. (2019). Natsionalniye proekty Rossii: regional'noye izmereniye. *Aktualnie voprosy ekonomiki*, *1*, 37–53. https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10067

Gulin, K.,A., Mazilov, E.,A., Kuzmin, I.,V., Alferyev, D.,A., & Yermolov, A. P. (2017). Scientific and technological potential of territories and its comparative assessment. *Problems of territory development, 1*, 7–26.

Kappeler, A., Solé-Ollé, A., Stephan, A., & Välilä, T. (2013). Does fiscal decentralization foster regional investment in productive infrastructure? *European Journal of Political Economy*, *31*, 15–25. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2013.01.005

Kis-Katos, K., & Sjahrir, B. S. (2017). The impact of fiscal and political decentralization on local public investment in Indonesia. *Journal of Comparative Economics*, *45* (2), 344–365. https://doi.org/10.1016/j.jce.2015.12.006

Kulik, K., & Vlasenko, M. (2024). Experience in implementing major national projects to combat degradation and desertification in Russia. *Case Studies in Chemical and Environmental Engineering, 9*, 100583, https://doi.org/10.1016/j.cscee.2023.100583

Kuznetsova, E. P. (2020). Analysis of the investment activities in the region. *Vestnik Khakasskogo gosudarstennogo universiteta im. N. F. Katanova, 3* (33), 103–111.

Lv, B., Liu, Y., & Li, Y. (2020). Fiscal incentives, competition, and investment in China. *China Economic Review*, *59.*

Mikhailova, A. A., & Timushev, E. N. (2020). Byudzhetnaya sistema Rossii: naskol'ko ustoychiva? [Is the Russian Budget System Sustainable?]. *HSE Economic Journal / Ekonomicheskiy zhurnal VShE*, *24* (4), 572–597. https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-4-572-597

Milchakov, M. V. (2019). Osobennosti finansovoy podderzhki regionov pri realizatsii natsional'nykh proyektov [Specifics of Regional Financial Support in the Implementation of National Projects]. *Nauchno-issledovatel'skiy finansovyy institut. Finansovyy zhurnal*, *3*, 22–37. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-3-22-37

Mokhnatkina, L. B. (2022). Assessment of regional inequality by indicators of program-targets financing of public expenditures. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration, 11*, *3* (40). 34–38, e-ISSN: 2712-8482 https://doi.org/10.57145/27128482_2022_11_03_07

Porfirev, B. N. (2018). Imperatives of legislative support for the implementation of the May 2018 Decree of the President of the Russian Federation: spatial aspect. *EKO, (9)* 531, 177–191. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-9-177-191

Government of the Russian Federation. (2018). National projects: Target indicators and main results [Natsional'nye proekty: tselevye pokazateli i osnovnye rezul'taty]. Retrieved March 15, 2026, from http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf

Roodman, D. (2009). How to do Xtabond2: An introduction to difference and system GMM in Stata. *The Stata Journal*, *9*(1), 86–136. https://doi.org/10.1177/1536867X0900900106

Shamardina, O. V., Kocheva, E. V., & Matev, N.,A. (2017). Analysis of investing activities in the Russian federation: current condition and development prospects. *National Interests: Priorities and Security, 13,* 4, 699–710. https://doi.org/10.24891/ni.13.4.699

Vasiliev, D. K., & Limonov, L. E. (2024). Uneven development of the Russian regions in context of infrastructure financialization. *Region: Economics and Sociology, 4* (124), 65–89. https://doi.org/10.15372/REG20240403.

Vertakova, Y., Polozhentseva, Y., Trusova, N., & Zhurova, G. (2015). Cluster policy in Russian investment sphere. *Procedia Economics and Finance, 23*, 321–328. https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00559-6

Yushkov, A., Savulkin, L., & Oding, Y. (2017). Intergovernmental relations in Russia: Still a pendulum? *Public Administrations Issues, Special Issue*, 38–59. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2017-0-5-38-59